

слушали музыку одной тональности, распалось и пришло в полный упадок на десять лет. В царстве же, где слушали музыку другой тональности, уже две тысячи лет все в порядке. То, что мы сейчас слушаем в России, — это музыка государства в чудовищном упадке. И чтобы изменить жизнь в стране, нужно изменить музыку. Это мы и делаем. То есть пропалываем культурный слой.

— Вы думаете, это можно сделать насильственным путем?

— Нет. Достаточно волевого устремления.

— Возникает весьма резонный вопрос: «А судьи кто?» Любый взгляд на то, какой должна быть музыка, очень субъективный. Кому-то нравится «Аквариум», а для кого-то Филипп Киркоров не то что предел музыкального совершенства, а просто свет в окошке...

— Если сравнивать произведение «Зайка Моя» с Бранденбургскими концертами Баха, то придется все-таки проголосовать за Баха.

— Может быть, лучше, когда есть и Бах, и «Зайка Моя»...

— Нет, не соглашусь с этим категорически. Потому что те же «Spice Girls» сделаны на очень хорошем уровне. Не имея ничего против господина Киркорова (сам он мне даже скорее нравится), я утверждаю, что «Зайка» — вещь чудовищно пошлая. И то, что люди слушают подобное, ведет к кризису этих людей.

— Со стороны ваше начинание выглядит как бунт неудачников, недовольных своими скромными тиражами...

— Ничего подобного. Меня волнует не тиражи Филиппа Киркорова, а жизнь в России. Мне кажется, если вся страна повально будет слушать группу «Deadушки», то последствия будут гораздо лучше, чем последствия фанатизма от Филиппа Киркорова.

— Но вы согласны с тем, что поп-музыка — вещь очень социальная, и если в Англии после четырех веков демократии может появиться «Spice Girls», то у нас в лучшем случае Филипп Киркоров?

— Совершенно верно, но выход есть. Нужно изменить тональность музыки, на что, собственно, и направлен наш священный джихад.

— Кровь будет?

— Она уже есть во всех людях. Этого вполне достаточно.

В данный момент творческое наследие БГ разместились на 27 альбомах «Аквариума» и пяти сольных казах. К этому стоит добавить официальные концертные записи и бес-

численные бутлеги (пиратские записи концертов). Борис Борисович успел поработать с музыкантами группы Боба Дилана, его альбом «Radio Silence» записывал Дэвид Стюарт из «Eurythmics», а подпевала Энни Ленокс. Так что если местный шоу-бизнес окончательно коня двинет, то шанс на подработку мемуарами у гна Гребенщикова всегда есть.

— К 45 годам вы сделали одну из самых успешных карьер в русском роке и приобрели репутацию национального рок-гуру. Вы мечтали о таком положении дел, когда впервые взяли в руки гитару?

— Ни о чем я тогда не мечтал и ни к чему не стремился. Мне до сих пор все эти заслуги по фигу. Просто нам было интересно заниматься музыкой и что-то создавать. Какие ярлыки на тебя при этом навешивают, не имеет никакого значения. А вообще слово «гуру» мне не нравится. Я настаиваю на определении «аятотла русского рока».

— Бытует мнение, что молодые люди собираются в рок- или поп-группу в основном для того, чтобы нравиться девушкам. У вас были такие соблазны?

— Конечно. Мне нравится, когда девушки меня любят, причем нравится это вне зависимости от того, занимаюсь я музыкой или нет.

— Умение обращаться с гитарами и микрофонами помогало при устройстве личной жизни?

— Не то слово. С личной жизнью было все в порядке. Да у меня и сейчас с ней неплохо.

— Это я все к тому, что вам, наверное, не раз приходилось слышать высказывания всех наших музэкспертов, от Артема Троицкого до Натальи Медведевой, будто главная беда нашей рок-музыки в том, что в ней очень много смысла и очень мало сексуальности и животной страсти, которая всегда есть на концертах тех же «Rolling Stones». Вы с этим согласны?

— У нас на концертах всегда возникает такая животная страсть, что «Rolling Stones» просто курят. Я как джентльмен не стал бы раскрывать всех частностей, но поверьте: самое сильное напряжение на наших концертах — это сексуальное напряжение.

— Когда все напрягались активнее: во время рок-н-рольной молодости или сейчас?

— Здесь все однозначно. Мужчина — как хороший коньяк. Чем старше, тем он выдержаннее, сильнее и лучше. Не буду тыкать пальцем в нас — это нескромно, но тот

же Джон Ли Хукер — ярчайший пример того, о чем я говорю.

— Помимо глубокомысленных песен вы пытались привлекать к себе внимание еще чем-нибудь? Например, одеждой или прическами?

— По правде говоря, я до сих пор не знаю, что у меня происходит на голове, потому что в зеркало смотрюсь редко. Причем так было всегда. Нас также никогда не интересовало, во что должна быть одета группа. С фарцовщиками мы не тусовались, потому что денег на это не было, и для концертов одевали самые безумные вещи, которые могли найти у себя в шкафу. При желании, кстати, любая вещь может выглядеть безумно. Главное — фантазия. Единственное, что я всегда любил, так это раскрашивать морду в разные цвета. Но делал и делаю я это не для того, чтобы нравиться женщинам или походить на Дэвида Боуи или «Prodigy». Мне просто интересно. Вот сейчас я выгляжу вполне обычно, но в прошлом году был бритый, а когда поехал записывать пластинку в Лондон, то покрасил волосы в ярко-синий цвет. Потом я выбривал разные части шевелюры, потом была боевая раскраска морды. Все было.

— Вам в этом кто-нибудь помогает?

— Никто. И модные журналы я не читаю. Зачем? Достаточно знать человеческую культуру за последние четыре тысячи лет. Именно из этого источника черпают все модные журналы. Так лучше ведь брать напрямую.

Личная жизнь БГ почему-то никогда не была предметом всеобщего обсуждения и поводом для слухов. Видимо, интеллигентный вид музыканта и его самозабвенное погружение в творческий процесс обеспечили Борису Борисовичу более чем благопристойную репутацию. Для рокеров это вполне типично. «Они так много говорят своей музыкой, что их остальное уже никому не интересно», — утверждают преданные рок-фэны. Тем не менее, остальное тоже было и иногда даже было ключом. В перерывах между погружением в творческие медитации БГ успевал стать многодетным отцом и трижды женатым человеком. Примечательно, что все отпрыски живут вместе с ним и его последней супругой. Дружное семейство ютится на 100 квадратных метрах 4-комнатной квартиры в Питере.

— Приходилось вам когда-нибудь приносить в жертву музыке личную жизнь?

— Я всегда приносил любую музыку в жертву личной жизни. Субли-

